

Т ЕАТР — не всегда сверкающие огни у подъезда, возбужденно гудящий партер, восторженные аплодисменты и победно взывающийся занавес. И все же с ним мы связываем впечатление шума, блеска, некоторой гипертрофии страстей, чудесного неправдоподобия. Чтобы развеять это предубеждение, достаточно заглянуть в бендерский Дворец культуры «Шелковик».

Вот уже несколько лет здесь, в так называемом камерном зале, идут представления, рассчитанные на небольшой круг посетителей. Отсюда и название: камерные постановки или моноспектакли. Для перечис-

определенное произведение и даже не один поэт. Например, наша последняя работа обязана своим рождением Ф. Алиевой и И. Ставской, Г. Виеру и Ю. Друниной.

Речь не о банальном монтаже из надерганных отовсюду кусков, не о компиляции из кое-как скрепленных между собой цитат. Здесь объемом и четко вырисовывается образ — женщина, биография которой неотделима от судьбы Родины.

Однажды попросили меня,
Чтоб я о себе рассказала
сама
Сквозь летящие годы.

САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ СЦЕНА

СВОЙ ВАРИАНТ

ления состава, как правило, хватает одной афишной строки — форма новая и не совсем привычная. Режиссер народного театра «Миорница» Павел Николаевич Недоган видел нечто подобное в КГУ имени В. И. Ленина, но, оттолкнувшись от исходной точки, искал и, кажется, нашел свой вариант.

Бинокль здесь не нужен. Лицо актера и так максимально приближено к первым рядам: исчезла оркестровая яма, разделяющая действительность и вымысел. На едва намеченную сцену — она лишь слегка приподнята над полом — выходит в зависимости от программы главное и единственное действующее лицо. Весь спектакль — без партнера. Он не предусмотрен — так же, как и дублер. В качестве иллюстрации возьмем не «Набатные колокола», не «Хлеб наш насущный», а завоевавшие популярность, же «Я пришла из мечтаний» — как раз в разгаре репетиция.

Я пришла из мечтаний,
Из травы и деревьев,
Из тепла заклинаний,
Из душевных напевов.

Кто создает тексты? Существуют ли авторы, чьи сочинения можно таким образом «инсценировать»?

— В великом множестве, — считает Павел Николаевич. Достаточно протянуть руку за достатком любимых стихов. При чем за основу принимается не

Здесь нет привычной фабулы, непременно «она встретила его». Героиня перебирает события своей жизни, словно разворачивает «свиток лет» — от Ярославны до наших дней. Обязательное условие — искреннее чувство, без слоя грима. Напоминанием актеру розовеют под потолком ничем не прикрытые по настоянию Павла Николаевича кирпичи:

— Чтобы не забывали — никакой штукатурки.

Таково своеобразное режиссерское кредо.

Рифма реднвива, но и она терпит соседство фрагментов прозы, эпоса, публицистики. И, конечно, ей необходима музыка. П. Н. Недоган сам выбирал композиторов — Бетховен, Шопен, Шостакович, Шуберт.

— Основная тяжесть ложится на исполнителя, — говорит Нина Кухаренко. — Несколько десятков глаз буквально впитывают каждое твое движение.

По мнению Недогана, особенно трудно распределять роли.

— Критерий — соответствие автора герою. Необязательно одинаково мыслить, но чувствовать необходимо в унисон. Нина, например, и в самом деле пришла «из мечтаний».

Количество отвлекающих внимание предметов сведено к минимуму. Декорации донельзя скупые. Прозаические столики

и кресло. Заземленность обстановки искупается изображением «Сикстинской мадонны» — воплощения материнства, женственности, а не только красоты. После спектакля каждый мужчина должен почувствовать в своей спутнице ее черты — вот разгадка.

«Экономия» на деталях — не исключение. Антураж «Набатных колоколов» также выразительно аскетичен — на заднике в беспорядке развешаны таблички с этапными датами из истории России: Куликовская битва, Ледовое побоище, революция, Великая Отечественная... От них свисают толстые веревки: «Звони, звонарь! Буди память!» В «Хлебе нашем насущном» у порога кама маре (все как полагается: ковры, полотенца) встречает хозяйка, протягивает на подносе хлеб-соль.

Пышные и часто сменяемые наряды оправданы в многолюдных пьесах, здесь они выглядят бы напыщенно. О специальных одеяниях заботятся, только если это диктуется самим духом представления. Например, для Нины заказано замысловатое платье из легкой шифоновой ткани.

Почему все-таки — камерный зал? Вообразите женщину, шепчущую в черноту: «Я пришла из мечтаний», — и вы поймете, что под высокими сводами она бы просто затерялась, а сокровенное показалось бы крошечным. Кроме того, чувство слишком избирательно. И двадцать человек легче настроить на сопереживание, чем сто.

Можно было бы провести параллель с античным театром — там все начиналось с одного исполнителя. И с того же незагроможденного пространства. Но зато котурны — чтобы стать выше, раскрашенные маски, величавые жесты, громоподобные голоса и битком набитый амфитеатр. В моноспектакле надо быть ниже ростом. Чтобы сойти с котурнов, нужна смелость. Не только режиссерская, но и человеческая. Основным средством остается голос. Он — «души расковывает недра». И хотя всегда существует опасность, что «недра» останутся нетронутыми, от опоры в виде лихо закрученного сюжета отказались.

Обычно зрители не торопятся здесь с овациями, хлопают в ладоши как бы нехотя. И молчание вскоре опять повисает в воздухе, словно действие продолжается...

Н. БАРБИЕР,
наш внешт. корр.